

Reznik O.V., doctor of Philology, prof.
Simferopol

AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE REPRESENTATIVES OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION

The article by Oksana Reznik represents the main directions in the study of autobiographical prose of the representatives of the first wave of Russian emigration. The author emphasizes the need for such fundamental philosophical categories as memorative centralism and personalism. The use of these categories can help fill in the gaps in research of this literature segment.

Key words: *autobiographical prose, Russian emigration, memorative centralism, personalism.*

УДК 82-311.6.09

Роговская А. Г., аспирант

Харьк. нац. пед. ун.-т имени Г. С. Сковороды, Харьков

Роговский А. М., д. филос. н., проф.

Харьк. нац. пед. ун.-т имени Г. С. Сковороды, Харьков

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА Ю.Н. ТЫНЯНОВА «КЮХЛЯ»

В статье рассматриваются особенности жанровой организации романа Ю. Н. Тынянова «Кюхля» в контексте литературно-критических работ писателя о необходимости реформы в области литературы вообще и в «обновлении» жанра романа в частности.

Ключевые слова: *жанровая специфика, полижанровое образование, исторический роман, беллетризованная биография, пограничность.*

В связи с наметившейся с начала XX в. и по сей день усиливающейся тенденцией смещения жанровых форм, возникновением всё большего количества полижанровых образований, изучение аспекта жанровой организации произведения представляется одним из перспективных направлений современного литературоведения. В частности, роман Ю. Н. Тынянова «Кюхля» был одним из первых произведений, размывших границы внутрижанровых разновидностей романа, чем и обуславливается **актуальность** темы данной статьи. **Целью** статьи является выделение в произведении характерных черт, присущим различным внутрижанровым разновидностям романа и определение состава полижанрового образования.

Изучению соотношения факта и вымысла и достоверности документа в историко-биографической прозе Ю. Н. Тынянова посвящено немалое количество работ (В. А. Каверин, М. Л. Гаспаров, З. Н. Поляк, М. И. Назаренко, Т. И. Дронова и др.). Собственно говоря,

© *Роговская А. Г., Роговский А. М., 2014*

гармоничное сочетание в произведении исторического и художественного, документа и вымысла является жанрообразующим принципом исторического романа. Однако, сложная, богатая проблематика романов Тьянова, как и их замысловатая, насыщенная приёмами формальной школы поэтика не позволяют безоговорочно отнести эти произведения к типу исторического романа. До сих пор не сформировано единого мнения о жанровой природе произведений большой прозы Ю. Тьянова; различные исследователи относят их к историческим, биографическим, психологическим либо историософским романам.

Представления Ю. Н. Тьянова о том, какими должны быть романы современной ему эпохи, сложились до того, как он написал свой первый роман. Своё мнение о современных ему литературных процессах Ю. Тьянов выразил в статье «Литературное сегодня» 1924 г., кратко проанализировав наиболее известные произведения основных писателей того времени. Как литератор, ратующий за развитие национальной литературы, он отвергал калькирование иностранных произведений, выбор экзотического места действия (так как это – уход от проблемы создания нового романа, а не её решение), равно как и наполнение традиционного, классического русского романа современным содержанием (из-за их «неуживчивости» друг с другом). На примере произведений И. Эренбурга и «Аэлиты» А. Н. Толстого Тьянов показывает тупиковый путь развития литературы в направлении фабульного романа, делая следующие выводы: «теневого роман Эренбурга не решает проблемы романа» и «не стоит писать марсианских романов» [1:155-156]. Завершает статью анализ трёх «пограничных» произведений с размытыми жанровыми рамками: «Мои университеты» М. Горького и «Сентиментальное путешествие» и «ZOO или Письма не о любви» В. Шкловского. Последнее, по словам Тьянова, «стоит на границе», являясь одновременно «и романом, и фельетоном, и научным исследованием» [1:166]. Следовательно, Тьянов-критик видел будущее русской литературы вне рамок традиционного романа, но в смелом размытии межжанровых границ, во взаимодействии художественной литературы и науки. Свою позицию Ю. Н. Тьянов подкреплял личным примером: выпускник историко-филологического факультета, он стал беллетристом, оставшись при этом историком: «Должна была произойти величайшая из всех революций, чтобы пропасть между наукой и литературой исчезла. Моя беллетристика возникла, главным образом, из недовольства историей литературы, <...> Я и теперь думаю, что художественная литература отличается от истории не «выдумкой», а большим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением о них» [2:9]. Ученица Тьянова Л. Гинзбург называла своего учителя современным литератором, ссылаясь на его лекции о российских поэтах и прозаиках пушкинской поры, которые были литераторами, «универсальными профессионалами литературного дела, в которое, по их представлению, входило многое: стихи и художественная проза, филология, история, критика и журналистика». Тьянов, подобно своим кумирам, сочетал занятие художественным творчеством с литературоведческими изысканиями и деятельностью переводчика, объединяя всё вышперечисленное в единое литературское дело [3:466].

Роман «Кюхля» (1925 г.) – первый опыт Ю. Н. Тьянова в области большой прозы, написанный в соответствии с принципами формальной школы. Предполагалось, что Тьянов напишет небольшую биографическую брошюру для юношества, однако, увлекшись, писатель создал роман, в четыре раза превышающий по объёму первоначально задуманное произведение. Роман ломает стереотипы, сложившиеся вокруг

личности В. К. Кюхельбекера: о его бездарности как поэта «второстепенности» его вклада в литературу, о его изначальной приверженности декабристскому движению (на самом деле Кюхельбекера приняли в Северное общество всего за месяц до восстания). Историсофский топос романа «Кюхля» – революция – характерен для исторической прозы 20-х гг. XX в.: роман-эпопея «Тихий дон» М. А. Шолохова, романы «Конармия» И. Э. Бабеля, «Белая гвардия» М. А. Булгакова, «Чевенгур» А. П. Платонова, «Окаянные дни» И. А. Бунина, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Россия, кровью умытая» А. Веселого. Многочисленные попытки беллетристов этого периода переосмыслить современные им события отмечает Л. А. Трубина: «Особое значение в размышлениях писателей о смысле истории сыграла революция, ставшая не только одним из самых значительных событий мировой истории XX в., но и смысловой доминантой русской культуры» [4]. Историческая проза 20-х гг. представляет для исследователей особый интерес, так как разрыв с прошлым, заложенный в основе понятия революции, вынуждает художников исторического жанра, так или иначе подверженных влиянию перемен, смотреть на события давно минувших дней сквозь призму современности и искать точки соприкосновения с новейшей реальностью, чем и обуславливается выбор сюжета и героя повествования [5]. Советские исследователи 70-80-х гг. (Л. П. Александрова, М. Н. Нестеров, С. М. Петров) выделяют два направления историко-беллетристического жанра в русской литературе 20-х гг.: 1) роман об идеях гражданских свобод, об интеллектуальных предшественниках революции 1917 г. (О. Форш «Одеты камнем», Ю. Тынянов «Кюхля», М. Марич «Северное сияние»); 2) роман о народном бунте (А. Чапыгин «Разин Степан» и «Гулящие люди», А. Алтаев «Стенькина вольница» и «Бунтари»). В конце 20-х гг. очерчивается еще одно направление советской исторической прозы – роман об императоре (А. Н. Толстой «Петр Первый») [6]. Если в художественной литературе того времени биография исторической личности и писателя в частности была весьма популярным сюжетом, то в науке о литературе ей, напротив, не уделяли должного внимания, её исследовательская значимость приуменьшалась. Нужно заметить, что в начале 20-х гг. XX в. в советском литературоведении существовало два господствующих направления: формализм и социологизм, причём представители обоих направлений отрицали биографизм как метод изучения литературного процесса. Невнимание исследователей к личности автора художественного произведения шло вразрез с интересом читателей к биографии писателя и повсеместной популярностью жанра беллетризированной биографии. Во второй половине 20-х гг. произошло сближение формализма и социологизма, вернее упадок независимого литературоведения и торжество идеологии, подчинившей науку о литературе своим интересам. Впоследствии и социологи, и формалисты вынуждены были признать необходимость биографических исследований, но исключительно в качестве второстепенного, вспомогательного материала для изучения литературного процесса. Победил вульгарно-социологический принцип построения писательской биографии. Подобное прагматичное отношение литературоведов к жизнеописанию художника на фоне советского коллективизма являлось в некотором роде моделью отношения советской идеологии к человеческому индивиду вообще как к винтику гигантской государственной машины. Новое правительство стремилось укоренить в сознании народа мысль о собственной легитимности, об исторически неотвратимом приходе большевиков к власти, а художественная литература

во все времена являлась мощным идеологическим инструментом. [7:283-284]. Фигуры героев произведений и особенно их трактовка задаются представлениями В. И. Ленина о трёх этапах освободительного движения в России, изложенными им в статье «Памяти Герцена» в 1912 г. Как только декабристы были официально приняты в революционный пантеон, был запущен сложный процесс создания традиции, достигший своего расцвета в советской литературе 1930-х гг. Началось сотворение мифа о декабристах как о предшественниках большевиков [7:284]. Роман Ю. Тынянова «Кюхля» не был первым советским романом о восстании декабристов, ему предшествовал роман О. Форш «Одеты камнем», уступавший, однако, по популярности произведению Тынянова. Как справедливо заметил литературовед А. Белинков, Тыняновский вариант взаимоотношений художника и революции оказался более точным и более сложным для описания, чем вариант О. Форш, поскольку в романе «Кюхля» главный герой сочетает в себе художника и революционера (в романе «Одеты камнем» два героя противопоставляются друг другу), а «революция, даже кончившаяся поражением, превращается в источник творчества», так как самые замечательные свои произведения Кюхельбекер создаёт в ссылке [8:50]. Гармоничное сосуществование литератора и революционера в одной личности наряду с неоднозначными (неоднозначно негативными) последствиями неудавшегося восстания созвучны с эффектом, производимым приёмом двойного кодирования – стиранием границ между понятиями, эпохами, дисциплинами. Многие исследователи творчества Тынянова отмечали пограничность его прозы между наукой о литературе и самой литературой. Так, американский исследователь Andrew Wachtel обращает внимание на то, как Ю. Тынянов размывает границы между историей и литературой, между литературой и литературоведением, между жанрами исторического романа и беллетризованной биографии с целью достижения более глубокого понимания Прошлого [9]. Американский исследователь Angela Brintlinger использует по отношению к произведениям Тынянова термин «научный роман», т. е. гибридный жанр, объединяющий историю литературы и беллетризованную биографию [10:25]. Исследователь романистики Ю. Н. Тынянова А. Ю. Петанова, анализируя жанровое своеобразие «Кюхли», находит, что «композиция романа, его стиль и язык, изображение главного героя – все это свидетельствует о том, что перед нами произведение той самой “новой прозы”, появление которой “предрекал” Тынянов-литературовед» [11:90]. М. Гаспаров называл первый роман Тынянова «беллетристичкой, соседствующей с наукой» [12:5], Б. Эйхенбаум в своей статье «Творчество Ю. Тынянова», подчёркивая научность, историчность художественной прозы Тынянова, называет «Кюхлю» «художественной диссертацией, скрывающей в себе итог предварительного изучения документов и материалов» [13:419].

Тынянов отходит от традиционных форм изображения характера героя, использовавшихся до него в советском историческом романе, продолжавшем традиции социально-психологического романа XIX в. Знаменуя приход эпохи модернизма, автор не анализирует чувства персонажей, а изображает их в виде внешних проявлений, незначительных, казалось бы, деталей, т. е., выражаясь формалистским термином, с остранных позиций. Так, например, Тынянов выражает надежду на возможный успех восстания декабристов при условии слаженных действий дворян и черни посредством следующей метафоры конфликта материалов: «Взвешивалось старое самодержавие, битый Павлов кирпич. Если бы с Петровской площадью, где ветер носил горячий песок дворянской

интеллигенции, слилась бы Адмиралтейская – с молодой глиной черни, – они бы перевесили. Перевесил кирпич и притворился гранитом» [14:267]. У писателя нет случайных деталей: всё описываемое неотъемлемо важно для воссоздания образа Кюхельбекера, для понимания его личности и судьбы. Это черта присуща биографическому роману, при этом задача изображения героя решается Тыняновым нетрадиционно. Вот что писал по этому поводу советский поэт, современник Ю. Тынянова, П. Антокольский: «Если, к примеру сказать, Андре Моруа в своих беллетризованных биографиях <...> являет образец по-своему великолепного скольжения по родословным своих героев и героинь, по их многочисленным любовным приключениям, по ненароком попавшимся под руку автору случайным бытовым подробностям той или другой жизни, то Тынянова решительно можно назвать снайпером с оптическим прицелом. В поле его зрения попадало только главное, только нужное. Он никогда не терял из виду конечной цели» [15:251]. А целью была реконструкция образа человека, известного лишь по эпиграммам современников, сочетавшего деятельность поэта и революционера и незаслуженно забытого потомками. Тынянов, используя исторический материал как канву повествования, превращает задокументированные факты в живые сцены, заполняет пробелы между ними, расцветчивает события подробностями и предлагает возможные мотивы происшествий. Роман насыщен внесюжетными (на первый взгляд) элементами, такими как путевой дневник Кюхельбекера, несущая эмоциональную нагрузку переписка Вильгельма с Дуней и приятелями по лицу, лирическое отступление об архитектуре Петербурга, являющееся заодно и метафорическим изображением столкновения. Ю. Тынянов, имевший опыт написания киносценариев, изображает некоторые сцены (например, сцену дуэли Кюхельбекера с Похвисневым и сцену неудавшегося убийства великого князя Михаила Павловича) с бросающейся в глаза кинематографичностью, т. е. жанрообразующей чертой киноромана. Также местами автор демонстрирует свою чудовищную эрудицию, что характерно для интеллектуального романа. Примером может служить краткое описание российской цензуры «...цензура не пропускала стихов к женщинам, если улыбки их назывались небесными», основой своей имеющее историю издания стихотворения «Стансы к Элизе» В. Н. Олина (1823), которое цензор А. И. Красовский запретил, в том числе, за строчку «Улыбку уст твоих небесную ловить», аргументируя: «Слишком сильно сказано; женщина недостойна того, чтобы улыбку ее называть небесною» [16:407]. Итак, формируется полижанровое образование, обладающее чертами документального, исторического, биографического, интеллектуального, психологического и кино- романа которое, однако, воспринимается как единое целое. Более того, таким образом, форма романа гармонизируется с его содержанием, поскольку герой романа – личность неоднозначная и многогранная. Однако биографический аспект романа всё же является доминантным, все остальные подчинены цели создания достоверного литературного образа реального исторического лица в соответствующем культурно-историческом контексте. За счет актуализации или опущения тех или иных элементов разновидности жанра романа происходит взаимодействие автора и читателя, создается художественный эффект и утверждается неповторимый авторский стиль, выделяющий трилогию Ю. Н. Тынянова на фоне советской историко-биографической литературы 20-х гг. XX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тынянов Ю. Н. Литературное сегодня / Ю. Н. Тынянов Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 150—166.
2. Тынянов Ю. Н. Сочинения: В трех томах / Ю. Н. Тынянов. – Т. 1. – М.-Л.: Гослитиздат, 1959. – 556 с.
3. Гинзбург Л. Я. Тынянов-литературовед / Л. Я. Гинзбург Записные книжки. Воспоминания. Эссе. – СПб.: Искусство – СПб, 2002. – С. 446-466.
4. Трубина Л. А. Историческое сознание в русской литературе первой трети XX века: типология и поэтика: Диссертация на соиск. уч. степ. доктора филологических наук: Спец.: 10.01.01 «Русская литература» / Л. А. Трубина. – М., 1999. – 40 с.
5. Изотов И. Т. Из истории критики советского исторического романа (20-30-е гг.) / И. Т. Изотов – Оренбург: Изд.-во Оренбург. пед. ин.-та, 1967. – 218 с.
6. Дубин Б. В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа: Препринт WP6/2003/02 / Б. В. Дубин. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
7. Trigos, L.A., An Exploration of the Dynamics of Mythmaking: Tynianov's *Kiukhlia* / Ludmilla A. Trigos. – *The Slavic and East European Journal*, Vol. 46, No. 2 (Summer, 2002). – pp. 283-300.
8. Белинков А. Юрий Тынянов / А. Белинков – М.: Советский писатель, 1960. – 436 с.
9. Wachtel, Andrew Varuch, An Obsession with History: Russian Writers Confront the Past/ A. B. Wachtel. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1994, VIII. – 276 p.
10. Brintlinger, A., Writing a Usable Past: Russian Literary Culture, 1917-1937 / Angela Brintlinger. – Evanston, IL, Northwest University Press, 2000. – 253 p.
11. Петанова, А. Ю. Романистика Ю. Тынянова и ее жанровое своеобразие: дис... канд. филолог, наук / А. Ю. Петанова. – М., 1991.– 193 с.
12. Гаспаров М. Л. Литературный интертекст и языковой интертекст / М. Л. Гаспаров // Известия РАН. Серия литературы и языка, Т. 6. – 2002. – С. 3–9.
13. Эйхенбаум Б. Творчество Ю. Тынянова / Б. Эйхенбаум // Эйхенбаум Б. О прозе: Сб. ст. / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; Вступ. ст. Г. Бялого. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1969. – С. 380-420.
14. Тынянов Ю. Н. Кюхля / Ю. Н. Тынянов. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 448 с.
15. Антокольский П. Г. Знание и вымысел / П. Г. Антокольский // Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи / Сост.: В. А. Каверин. – М.: Советский писатель, 1983. – 312 с. – С. 248-257.
16. Сухих И. Н. Тынянов и Кюхля: избирательное сродство / И. Н. Сухих // Тынянов Ю. Н. Кюхля. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – С. 393-413.

Роговська О. Г., аспірант

Харк. нац. пед. ун.-т імені Г. С. Сковороди, Харків

Роговський О. М., д. філос. н., проф.

Харк. нац. пед. ун.-т імені Г. С. Сковороди, Харків

ЖАНРОВА СПЕЦИФІКА РОМАНУ Ю. М. ТИНЯНОВА «КЮХЛЯ»

У статті розглядаються особливості жанрової організації роману Ю. М. Тинянова «Кюхля» в контексті літературно-критичних праць письменника про необхідність реформи в галузі літератури взагалі й в «оновленні» жанру роману зокрема.

Ключові слова: жанрова специфіка, поліжанрове утворення, історичний роман, білетризована біографія, пограничність.

Rogovska A., postgraduate student

Skovoroda Kharkiv national pedagogical University, Kharkiv

Rogovsky A., PhD, professor

Skovoroda Kharkiv national pedagogical University, Kharkiv

GENRE ORGANIZATION OF YURI TYNJANOV'S NOVEL "KJUKHLIA"

The article presents the view of the peculiarities of the genre organization of Yuri Tynjanov's novel "Kjukhlia" in the context of his own works on literary criticism expressing the necessity of the reform in literature in general and of the renewal of the genre in particular.

Key words: genre specificity, poly-genre formation, historical novel, fictionalized biography, bordering position.